

Козловский Иван Семёнович 26.03.09.

«Пошли, Боже, хорошо петь...»

Иван Козловский никогда не пел на клиросе

когда висела - 2004 - 26 марта с 15. - (Приложение к газете: 2002 г.)

Игорь Алферов,
Валентина Воронова

В среду, 24 марта, исполнилось 104 года со дня рождения Ивана Козловского, одного из крупнейших певцов минувшего века, великолепного тенора русской оперной сцены. Сегодня читателям «Независимой газеты» об Иване Козловском рассказывает его внучка, Анна Козловская, которая живет со своей семьей в квартире деда, в Брюсовом переулке.

— Анна Юрьевна, среди многочисленных мемориальных досок, установленных на вашем знаменитом доме, мы не нашли доски вашему деду. Почему?

— Действительно, ее до сих пор нет. Надгробный памятник на Новодевичьем кладбище уже установили. Кстати говоря, это произошло благодаря активной помощи Владимира Викторовича Васильева, в бытность его директором Большого театра, и известного тенора Большого театра Зураба Лаврентьевича Сотикила. А вот вопрос с мемориальной доской на доме появился в воздухе. Уже в 1994 году, через год после смерти дедушки, мы начали обращаться по этому поводу в разные инстанции, но доску до сих пор так и не установили.

— С какого времени вы помните своего деда?

— Пожалуй, с 1970 года, когда дедушка было уже 70 лет, а я была еще маленькой. И с тех пор до последних дней его жизни мы были очень дружны. Он очень на меня повлиял за те двадцать лет, что мы были рядом. И чем дальше я живу, тем больше понимаю, насколько важным было для меня его влияние. Мы очень о многом с ним разговаривали. Дед относился ко мне доверительно и потому говорил со мной откровенно. Я была у него единственной внучкой.

Мы жили недалеко отсюда, поэтому я могла часто бывать в доме деда. Особенно когда стала ходить в школу. Она была здесь, рядом, за углом. В школе нас кормили плохо, и я почти ежедневно старалась зайти к дедушке повидаться вместе с ним поболтать. Хотя в то время, когда я приходила, дедушка только сидел в кресле.

Позже, во время учебы в университете, я заходила к нему реже. Но все равно мы виделись с дедом по несколько раз в неделю. Для меня это были, очень хорошие времена. Дедушка часто ходил на концерты в консерваторию. Многие этому удивлялись, потому что обычно музыканты редко ходят на концерты, в которых они не заняты. А он обязательно два-три раза в неделю бывал в концертных залах. Один ходить не любил и часто брал меня с собой. Иногда мы ходили вместе гулять по вечерним московским улицам. Дедушка был умным, интересным собеседником.

— А каким, по вашему мнению, был характер деда?

— Чтобы точнее ответить на этот вопрос, нужно вспомнить его детство. Ведь когда ему было немногим более семи лет, он перенес сильное душевное потрясение — мать отправила его из родной деревни Марьиновка в Киев, в церковно-приходскую школу при одном из монастырей. Там он жил, учился, пел в церковном хоре, но очень страдал от обиды, что его отлучили от родного дома. Эта обида всю жизнь бередила его душу и, видимо, повлияла на формирование характера. Он был сложным ребенком, и его отношения в общинах складывались не просто. Религия же стала его убеждением, потребностью души. Он всегда ходил в храм, искренне соблюдал православные обряды, постился. Правда, нужно заметить, что он никогда не пел в храме на клиросе и ходившие в свое время слухи про это поводу не соответствовали действительности. Дед всегда молился перед едой, только читал не традиционную, а составленную им самим молитву.

— Вы ее помните?

— Помню! Она звучала так: «Пошли, Боже, хорошо петь, прощая род свой, долго жить на свете». Жизнь показала, что Бог услышал его молитвы.

Он был человеком строгих нравов и умел высоко нести свое человеческое достоинство. Он прекрасно понимал, что голос — дар Божий и, чтобы его сохранить, нужно обладать большим терпением и самодисциплиной.

же, когда обида немного утихла, стал записываться на студии, петь в отдельных концертах.

Жить без пения он просто не мог. Я уверена, что его призвание было предопределено свыше. Ему это было написано на роду, потому что судьба складывалась так, как было угодно Богу.

— А когда, по-вашему, он осознал, что его призвание быть певцом?

По современным меркам дед был просто пуританин

Например, после спектакля или концерта, а также после принятия горячей пищи или чаю он как минимум час или полтора не выходил на улицу. А выходя из дома, немногим заматывал горло длинным теплым шарфом. На улице не разговаривал, если была плохая погода, тем более зимой. Никогда не целовался в губы, оберегаясь от случайной инфекции. Поэтому, насколько я помню, у него никогда не было насморка, не болело горло.

По своим душевным качествам он был человеком отзывчивым и добрым, но самая детская обида породила в нем настороженность в отношении к людям. Это сказалось не только на его личной жизни, но и проявилось в решительном поступке, когда в 1954 году он ушел из Большого театра.

— Иван Семёнович покинул оперную сцену, когда ему было всего лишь 54 года. В чем же была причина его ухода?

— В тот год дедушка был в длительной гастрольной поездке по стране. Желающих послушать «самого Козловского» оказалось так много, что он согласился давать по два концерта в день вместо одного, установленного правилами. Сейчас бы этот порядок вызвал недоумение, но тогда его непослушание сыграло плохую роль. В «Комсомольской правде» появился фельетон модного тогда газетчика Нариняни, в котором автор обвинял Козловского в стажёрстве. Якобы певец требовал за концерты двойную ставку! Заканчивался фельетон оскорбительной фразой: «Как не стыдно человеку зарабатывать столько денег?» И это бросили в лицо человеку, который во время войны добровольно, как истинный христианин, построил на свои деньги танк, а позже в своем родном селе построил и оборудовал детскую музыкальную школу.

Мы жили недалеко отсюда, поэтому я могла часто бывать в доме деда. Особенно когда стала ходить в школу. Она была здесь, рядом, за углом. В школе нас кормили плохо, и я почти ежедневно старалась зайти к дедушке повидаться вместе с ним поболтать. Хотя в то время, когда я приходила, дедушка только сидел в кресле.

Позже, во время учебы в университете, я заходила к нему реже. Но все равно мы виделись с дедом по несколько раз в неделю. Для меня это были, очень хорошие времена. Дедушка часто ходил на концерты в консерваторию. Многие этому удивлялись, потому что обычно музыканты редко ходят на концерты, в которых они не заняты. А он обязательно два-три раза в неделю бывал в концертных залах. Один ходить не любил и часто брал меня с собой. Иногда мы ходили вместе гулять по вечерним московским улицам. Дедушка был умным, интересным собеседником.

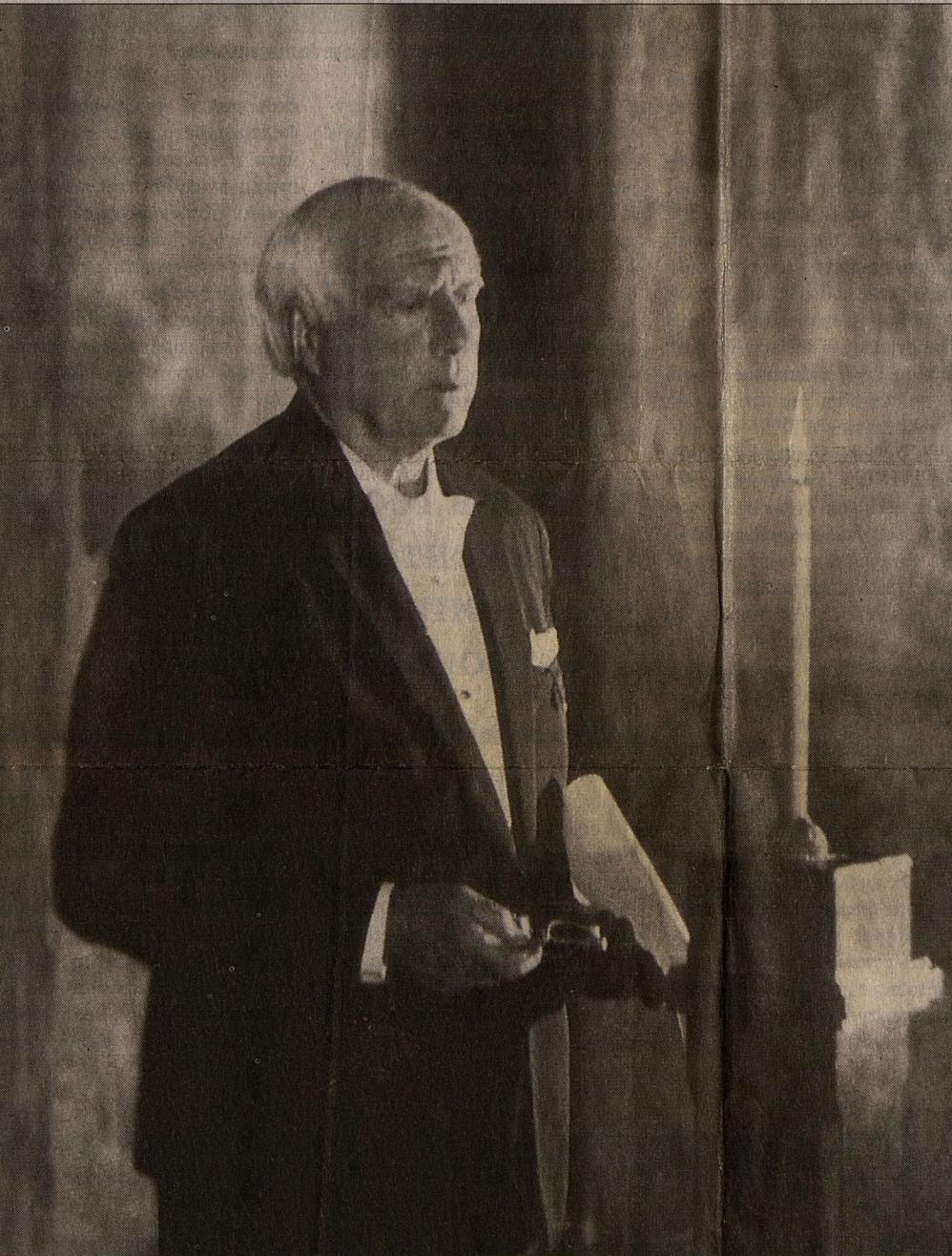
— А каким, по вашему мнению, был характер деда?

— Чтобы точнее ответить на этот вопрос, нужно вспомнить его детство. Ведь когда ему было немногим более семи лет, он перенес сильное душевное потрясение — мать отправила его из родной деревни Марьиновка в Киев, в церковно-приходскую школу при одном из монастырей. Там он жил, учился, пел в церковном хоре, но очень страдал от обиды, что его отлучили от родного дома. Эта обида всю жизнь бередила его душу и, видимо, повлияла на формирование характера. Он был сложным ребенком, и его отношения в общинах складывались не просто. Религия же стала его убеждением, потребностью души. Он всегда ходил в храм, искренне соблюдал православные обряды, постился. Правда, нужно заметить, что он никогда не пел в храме на клиросе и ходившие в свое время слухи про это поводу не соответствовали действительности. Дед всегда молился перед едой, только читал не традиционную, а составленную им самим молитву.

— Вы ее помните?

Два знаменитых тенора XX века — Марио дель Монако и Иван Козловский. Справа Рубен Симонов. 1959 г.

В храме.

Поль Робсон и Иван Козловский. Бас и тенор.

мужчине, обнять его за шею и радостно крикнуть: «Здравствуй, папа! Представляете, какова была первая реакция на эту шутку?! Но деду это нравилось, тем более что он умел слаживать ситуацию. Или, например, за столом он потихоньку клал свою ложку в карман сидящему рядом, а потом поднимал шум и «находил» ее у соседа.

Были у него и свои чудачества. Хотя он не был по-настоящему суеверным человеком, но входил и выходил из помещения в одни и ту же дверь. С этим, помню, был один курьезный случай. Однажды он приехал в Большой театр и, как всегда, вошел через служебный подъезд (кажется, номер 16). Пока шел спектакль, рабочие начали класть у этого подъезда новый асфальт. Когда перед окончанием спектакля у этого подъезда стали собираться по-клонники Козловского, их предупредили, что асфальт не успел отсыпать и потому певец выйдет через другую дверь. Но по-клонники это не забили. «Мы знаем его привычки лучше вас», — заявили они и не расходились. Это смущило рабочих. Они куда-то сходили и вскоре начали делать помост из досок поверх подсыпанного асфальта, по которому после окончания спектакля и вышел дед.

Нужно сказать, что его по-клонниц обмануть было трудно. Они знали все: и где он живет, и когда и по каким дорожкам гуляет. Некоторые фанатки пытались даже залезать к нему в окно квартиры по водосточным трубам. Дело доходило до того, что вызывали пожарных, чтобы их снять с этих труб. А однажды пришло смывать брандспойтом.

— Поклонники у Ивана Семёновича было много. А друзей?

— Дедушка был человеком обширительным, но разборчивым в людях. За этим столом сидели многие известные люди: и солисты Большого театра, и актеры МХАТа, музыканты и композиторы, дети Федора Ивановича Шаляпина, известный шахматист Василий Смыслов. Однажды дед пригласил нашу примадонну Аллу Пугачеву. Имея в виду ее опыт организации и субсидирования больших культурных акций, он обсуждал с ней проект постановки оперы «Снегурочка» на одном из стадионов. У него были очень хорошие отношения с нашими знаменитыми басами Максимом Михайловым и Марком Рейзеном.

А друзей у деда было немногие: Борис Шаляпин и Павел Массальский.

С внучкой Аней на даче в Снегирях. 1981 г.

Фото из семейного архива Анны Козловской

один человек, который и получил большую по тем временам сумму.

Его любовь к лошадям передалась по наследству моей маме и дальше моей дочери Соне, которая обожает ездить на лошадях.

Юность деда пришлась на годы революции и Гражданской

войны. В 1919 году его мобилизовали в Красную Армию. Он, естественно, попросился в кавалерий, но прослужил в ней недолго. Однажды, когда кавалеристы запели в строю, командиру настолько понравился голос рядового Козловского, что, для того чтобы сохранить его, дед перевели в тыл, в инженерные войска, а оттуда послали учиться пению в Киев.

А уже в 1924 году дед приехал на прослушивание в Москву, в Большой театр. Но, как он рассказывал, волнение помешало ему в первый же раз показать себя как следует. Вскоре он стал ведущим солистом Свердловского оперного театра. А в 1926 году его приняли в Большой театр, где он пел почти 30 лет.

— Среди старшего поколения ходили досужие разговоры о его неравнодушном отношении к женщинам?

— На ваш вопрос можно ответить так. Дед, как и другие творческие личности, был натурой артистической. И, естественно, ему нравилось производить хорошее впечатление на его поклонителей и поклонницы, привлекая их внимание. Но ведь женщины — это часть светского этикета. Дед всегда был очень скромным, деликатным

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и